

гивается очень часто.⁷³ Здесь и бесовская сила, и змеи, и скорпионы, и удушливый смрад, и крошечная тьма, и различные виды мучений, т. е. все, чем пугают воображение читателя упомянутые легенды средневекового сборника. Влас читает свои грехи, написанные на хартии, и дает последний обет.

Внял Господь и душу грешную
Отпустил на вольный свет.

С Власом происходит то, что и с героем 204-й новеллы «Зерцала» — «О некоем болящем, иже для исповедания исцеле»: ему возвращено здоровье для того, чтобы он раскаялся в своих грехах.

Такое перерождение человека под влиянием картины вечных мучений рисуют многие новеллы «Зерцала». Здесь грешники — богачи, лихоимцы, обидчики, жестокие и бесчеловечные люди, иногда жестокие правители — обычно погибают, но люди, во сне или в видении видевшие мучения, раскаяваются и чаще всего уходят в монастырь.

Некрасов переносит сюжет на русскую почву. Он рисует в своем грешнике типичный образ мужика-кулака, мироеда. Раскаившись, он не уходит в монастырь, а берет на себя трудный подвиг.

Влас — человек сильной души: раз дав обет, он строго держит его. Его раскаяние искренне и глубоко. Так ведут себя в подобных случаях и раскаившиеся грешники в новеллах «Зерцала».

Мы видим из этого примера, как средневековая переводная легенда под рукой талантливого писателя расцветает новыми красками, приобретает новый, более глубокий, близкий русскому читателю смысл. В то же время ясно, что средневековый переводный сборник обогатил воображение писателя, дал ему богатый и яркий материал, с помощью которого он мог создать запоминающийся образ сильного душой русского человека.

К переводным сюжетам обращались в XIX в. многие писатели: мы найдем мотивы переводной новеллы XVII в. у Жуковского и Пушкина, у Лескова и Толстого, у Гаршина и Бунина. Многие из известных русских писателей зачитывались в детстве лубочными изданиями переводных повестей и романов. Известно, например, что едва ли не первыми книгами, которые прочел в детстве Достоевский, были приключения Бовы королевича и Еруслана Лазаревича, широко распространенные в лубочных изданиях. Читали эту литературу и другие писатели. Поэтому следовало бы внимательнее и детальнее изучить издания переводных повестей и романов, рассчитанные на широкого читателя, в частности первые печатные опыты, появившиеся еще в XVIII в.

Таким образом, перед исследователем, обратившимся к изучению переводной литературы XVII в., непочатый край интересной и разнообразной работы. В результате тщательного изучения наших рукописных богатств в советской научной литературе должны появиться полные и точные описания наличных списков произведений переводной литературы, издания памятников, выполненные на основании тщательного текстологического анализа списков по правилам и требованиям современной науки о литературе, наконец, монографии, изучающие как литературную историю того или иного произведения в сопоставлении ее с литературной историей того же сюжета у других славянских народов, так и самое произведение в его характерных художественных особенностях с его композицией, образами, стилем, художественными средствами языка, особенностями жанра.

⁷³ См. новеллы 37, 50, 51, 52, 514, 204 и другие.